

В этом мире всегда находятся такие болваны, которые умеют говорить так, что попадают прямо в больное место, поднимая самые неприятные темы.

Цзян Шинин с его тощим телом — один из таких, и этот лысый монах — тоже.

Где же его настоящее тело?

Даже сам Сюэ Сянь не знал этого точно.

Вспоминая тот день на берегу моря в уезде Хуамэн провинции Гуандун, когда его живьём вытянули сухожилия, хлынул ливень, вздыбились волны. Огромный вал унёс его в пучину. Он, измученный болью, потерял сознание, а когда вновь обрёл проблеск сознания, обнаружил, что его душа покинула тело.

То огромное тело, лишённое поддержки души, не могло сохранять свой облик и, как и прежде, сжалось до размера золотой жемчужины.

Он намеревался забрать жемчужину, чтобы, восстановив душу, вернуть себе тело, но Небеса сыграли с ним злую шутку. Пока его сознание было ещё не совсем ясным, жемчужину вынесло на берег большой волной. Он лишь смутно сквозь толщу воды увидел, как её подобрал человек в одежде рыбака.

Когда же он полностью пришёл в себя и попытался догнать, того и след простыл.

Вспоминая об этом, Сюэ Сянь приходил в ярость, поэтому без особых церемоний буркнул в ответ: «Я как раз её и ищу!»

Сюань Минь снова бросил на него взгляд: Заблудиться, да ещё и без собственного тела — эта тварь и впрямь весьма способна.

Дело было не в том, что Сюэ Сянь действительно не придавал этому значения, а в том, что по сравнению с ненавистью за живьём вытянутые сухожилия, проблема с телом казалась куда меньшей. Сейчас он не мог его найти лишь потому, что был сильно ослаблен и связь с телом прервалась. Когда он полностью восстановится, то естественным образом сможет почувствовать его и найти без особых усилий.

Впрочем, не искать специально — это одно, а если оно само попадётся — совсем другое.

Сюэ Сянь вспомнил странный гул, который слышал ранее, и невольно пробормотал про себя: «Расположение этого дома несколько древнее...»

Пока он это говорил, Сюань Минь уже невозмутимо провёл его через залы и внутренние помещения, без происшествий миновал два узких прохода, прошёл по коридору и теперь собирался открыть ещё одну дверь.

Поэтому Сюэ Сянь, не успев выговорить «...нее», резко оборвал себя и поспешно сменил тему: «Погоди! Это место мне кажется знакомым!»

И не просто знакомым...

Тот самый каменный пол, выложенный плитами, та самая комната с резным деревянным фронтоном над дверью, то самое старое дерево, выглядывающее из-за стены, и те самые длинные лианы, обвивающие её... Да это же то самое место, где Сюэ Сянь впервые открыл

глаза?!

Неужели этот лысый монах, покрутив его туда-сюда, вернул обратно?!

Сюань Минь, однако, покачал головой: «То место было иллюзией. Это — реальность».

Сюэ Сянь искоса взглянул на него, подумав про себя: «Ладно, раз уж этот лысый знает искусство Восьми Врат Дуньцзя, то его расчёты, наверное, верны. Если он говорит, что это реальность, значит, так и есть...»

«Но зачем искать эту реальность?» — спросил Сюэ Сянь, наблюдая, как монах переступает порог узкой двери и направляется к пустой, безмолвной комнате.

Сюань Минь ответил: «Это место — Врата Жизни. Выйдя отсюда, можно разрушить эту ловушку».

Сюэ Сянь уже собрался что-то сказать, как вдруг из комнаты, где никого не должно было быть, донёлся приглушённый разговор.

Сюань Минь тут же остановился на полшаге, развернулся на носке и, с бумажным человечком на плече, бесшумно скрылся за колонной коридора.

Откуда здесь люди?

Сюэ Сянь, уцепившись за плечо Сюань Миня, слегка высунул голову из-за колонны. К счастью, бумажная оболочка была совсем неприметной, так что привлечь чьё-либо внимание было крайне сложно.

Голоса в комнате постепенно становились чётче, тембр показался немного знакомым. Когда дверь с тихим скрипом распахнулась и человек из комнаты, слегка неуклюже переступая, высунул за порог ногу, Сюэ Сянь наконец сообразил — это был голос дурачка Лю Чуна.

Неужели они без малейших усилий нашли остальных пленников? С кем же он разговаривает? С Цзян Шинином?

Однако Сюэ Сянь не был опрометчивым. Мигом он осознал кое-что странное.

Толстый халат на Лю Чуне был не тот, что прежде. Раньше на нём был серо-голубой халат, а сейчас на нём — тёмно-коричневый, с тёмно-красной оторочкой по краям рукавов, отдававший праздничным настроением.

Едва эта мысль мелькнула, как стоящий у двери Лю Чун развернулся, чтобы поддержать того, кто был внутри.

Его движения были неуклюжими, и в том, как он помогал, сквозили и предельное старание, и предельная искренность.

Опираясь на его руку, из комнаты, шатаясь, вышла старушка с убранными в пучок волосами. Волосы её были седыми и редкими, пучок — крошечным, безвольно болтающимся на затылке. Лицо измождённое, уголки глаз отвисшие, лицо испещрено морщинами, губы отдавали синевой — с одного взгляда было видно, что она серьёзно больна.

Одной рукой она вцепилась в запястье Лю Чуна, словно старый корень, цепко впившийся в землю, а в другой сжимала потрёпанную деревянную палку. Даже с её помощью переступить

через порог ей далось с трудом.

Ноги старушки волочились, и этот порог был для неё явно слишком высок.

Наконец старушка, опираясь на палку обеими руками, устояла за дверью, затем улыбнулась Лю Чуну и, поджав губы, пробормотала: «Чунь, молодец, сходи в комнату, принеси мне табурет».

Лю Чун кивнул и уже собрался войти, как старушка добавила: «Да, и ещё фонарь, и золотые слитки».

Дурачок, видимо, мог сосредоточиться только на одном деле за раз. Три поручения подряд были для Лю Чуна слишком сложны. Он застыл, одной ногой в комнате, другой снаружи, и, уставившись на старушку, с усилием выговаривая слова, спросил: «Табурет... слитки?»

Старушка едва слышно вздохнула и снова улыбнулась: «Умница, Чунь».

Лю Чун ответил сияющей глуповатой улыбкой, поспешно юркнул в комнату и через мгновение вышел, в одной руке неся табурет, в другой — огромный мешок из ткани. У этого дурачка, когда руки были заняты, видимо, возникали проблемы с координацией. Он несколько мгновений топтался у порога, наконец переступил его, пошатнулся, и затем протянул старушке и табурет, и мешок.

Кажется, он хотел помочь поставить табурет и развязать мешок, но из-за своей неуклюжести чуть не опрокинул табурет, а скользящий узел на мешке случайно затянулся намертво. Неизвестно, помогал он или только мешал.

Однако старушка не выказала ни малейшего нетерпения, по-прежнему поджав губы, улыбалась Лю Чуну и сказала: «Сходи в комнату, принеси ещё два фонаря».

Лю Чун, видимо, почувствовав, что его похвалили, стал ещё активнее. Он бодро откликнулся: «Эй!» — развернулся, зашёл в комнату, порылся там и вскоре вынес два красных фонаря.

«Скоро праздник Маленького Нового года, пора бы сменить эти белые фонари», — старушка научила Лю Чуна заменить фонари у двери на более праздничные красные, затем снова уселась на табурет, прищурившись, принялась распутывать мёртвый узел на мешке.

Прошло немало времени, прежде чем он наконец развязался.

Мешок раскрылся, и груда бумажных золотых слитков рассыпалась по земле.

Старушка осторожно достала из кармана лучинку, позаимствовала огонь из снятого белого бумажного фонаря и бросила её в кучу слитков.

Тёплое жёлтое пламя мгновенно вспыхнуло, и груда бумажных золотых слитков, словно высохшая, мгновенно съежилась. Один слиток с краю не успел охватить огонь, зато его подхватило ветром и понесло к колонне. Сюань Минь бесшумно поймал его, и бумажный слиток оказался у него в руке.

Сюань Минь перевернул слиток вверх дном. Как и ожидалось, на дне были написаны несколько иероглифов. Судя по почерку, будто растащившему их в разные стороны, сразу было видно — работа руки дурачка Лю Чуна.

Сюэ Сянь вытянул шею, прищурился и разобрал, что там было написано имя человека — Лю Сянь.

Тут же ему вспомнились те неразборчивые слитки в комнате Лю Чуна, и он подумал: «Неужели там тоже было написано „Лю Сянь“?»

Но, поразмыслив, он понял, что не так. Иероглифы «Лю Сянь» сейчас были написаны чётко, почему же в тот раз они превратились в кашу? Судя по смазаным чернилам, там было определённо больше двух иероглифов.

Сюань Минь, прочитав надпись на слитке, разжал пальцы. Бумажный слиток снова был подхвачен ветром и, нагнав последний язычок пламени, был им поглощён без остатка.

Старушка, помешивая палкой догорающие угли, бормотала: «В этом году тело не в порядке, в пояснице силы нет, бумажных золотых слитков меньше, чем в прошлом году, уж как-нибудь обойдись».

Лю Чун сидел на пороге, тихо слушая. Послушав пару фраз, он вдруг развернулся, вбежал в комнату, вынес оттуда небольшую пачку жёлтой бумаги и, уткнувшись, принялся что-то складывать у себя на коленях, приговаривая: «Я... я умею, я сделаю».

<http://bllate.org/book/16289/1467800>